

АЛЕКСАНДР ЛОМКОВСКИЙ

ЛЮБИМЫЙ ГРИБ

РАССКАЗ

Ветер из-за Угорного леса тянул ровно и сильно. И казалось, что нет у него на пути таких преград, которые могли бы помешать его безудержному полету. Он глухо свистел в проводах высоковольтной линии и давил всей грудью на ажурные опоры, под одной из которых и присел отдохнуть Венька Шлык. Венька только что выбрался из осинника с полной корзиной маленьких, не больше детского кулачка, кубарей. Шлык очень любил кубари. Запах этих грибов сводил его с ума, уносил черт-те куда, в какие-то непонятные дебри каких-то непонятных лесов.

“Что есть гриб? — рассуждал сам себе Венька. — Растение. Паразит на теле земли — это еще в школе проходили. Сам не может себе пищу добывать, как, к примеру, дерево. Обязательно, зараза, с кем-то вместе произрастает. Симбиоз — по-научному. Как блоха, которая не может жить без собаки. А с другой стороны взглянуть — вкусный... а и вкусный же, зараза!”

Венька полез в карман фуфайки за куревом. Добыл небрежно вскрытую пачку “Беломора” — других папирос или сигарет не курил принципиально, — вынул немного смятую, чуть сплюсненную с боков папиросину и начал разминать ее твердыми заскорузлыми пальцами. Привычно дунув в мундштук папиросы, прикурил. Спрятал спички в карман и снова отдался думам.

Венька Шлык любил подумать. Все свои пятьдесят четыре года, сколько себя помнит, бился, словно дятел головой об елку, над простыми, казалось бы, понятиями. В свободное время мог часами смотреть на какую-нибудь былинку, или бабочку, или реку и неторопливо рассуждать сам с собой.

ЛОМКОВСКИЙ Александр Вениаминович родился в 1965 году в Вологде. Печатался в различных областных и центральных изданиях. Автор сборника повестей и рассказов “Два костра”. Лауреат первого Всероссийского конкурса современной прозы им. В. И. Белова “Все впереди”. Живет и работает в Вологде.

Докапываться до сути вещей. Увидит, например, ягоду костяники, сорвет, всмотрится внимательно в кроваво-красную до прозрачности глубину этой бусинки со смутно вырисовывающимися внутри косточками, и понесет его. Что есть ягода? Плод. Вырастает на потребу зверью и людям. Откуда берет-ся? Из цветка. Так вот и сейчас: самый первый из всей деревни поднялся и ушел по грибы. Набрал корзину кубарей и с чувством выполненного долга начал ломать голову над очередной “тайной” природы.

“Как растет гриб? По-разному. Опенок — он на пеньке больше любит, белый, он же боровик, — на опушке или в бору, под елками. Красноголовик в березняке или осиннике вырастает. Недаром у него второе имя — подосиновик. Да и у многих грибов не по одному, скажи, имени. Желтый груздь — он же подольховатик. Кубарь везде зовут валуем. А к Северу ближе уже бычок, бык. Свояк Витька из Архангельской области приезжал, дак он кубари упорно именовал бычками. А другого названия и не знает. Кстати... звал, звал свояк в гости-то. Хоть раз, говорит, приезжай. Природой хвалился. А и у нас природа не хуже. Нисколько не хуже. Правда, это лето дождливое выдалось, но это наоборот даже — для грибов очень полезно. А вот в Крыму грибов нет. Как там только люди живут?..”

Венька однажды съездил в Крым по путевке. Но не дотянул и до половины срока — как оказалось, если нет рядом леса, то и жить-то незачем. И еще там в санатории столько людей было разом, что Венька и в жизни не видал такого скопища. Плюнул на путевку, обменял билеты и укатил домой. Тут же по приезду подался на старую заимку и трое суток наслаждался тишиной и покоем. Собирал грибы, вспугивая чуткую лесную тишину сухим отрывистым кашлем (и ездил-то Венька “на юга” легкие как раз подлечить), смотрел и не мог насмотреться на застенчивые молоденькие березки, купающие свои листовые подола в тихих осенних росах, топил на заимке печку...

Одним словом — был Венька счастлив. И понял он тогда одну простую истину: нигде человеку так не бывает хорошо, как дома. Свояк Витька с сестрой жены Ангелиной каждым годом то в Сочи ездят, то в Ялту. Живут там какими-то “дикарями”, купаются в море. И ведь свояк целый год ломает хребтину на своем комбинате, чтоб потом за один только месяц проткнуть все денежки. Называет это активным отдыхом. А у Веньки разве отдых активный? Встать в пять утра, да и убежать по холодку в лес. Так наактивничаешься... То-то же. И предложи кто сейчас ему забесплатно на юг — ни в жизнь не согласится. Посмеется только. А лесов вокруг деревни много. И каждый неповторим, каждый отличается только своим чем-то, как и люди. И в каждом свои грибы, особые, только данному лесу присущие. Веньке не нужно спрашивать у знакомых, где они набрали свои корзинки. Взглянет раз в пестерь — и достаточно. В Угорном лесу лисички бледно-желтые, а шляпки солодаги зеленые. Рыжики на высокой тонкой ножке. В Солдатском — белые грибы кряжистые, приземистые, волнушки отдают в синеву, а опята только с пятнышками. Шнякинский лес тоже имеет свои особенности: лисички там мясистые, чуть ли не ярко-оранжевые, подосиновики почему-то с белыми шляпками, а маслята имеют такой цвет, что не сразу и заметишь на хвойной подстилке. Вот только кубари везде одинаковые — как по вкусу, так и по цвету. Ну, и еще, конечно, в каждом лесу живут свои поганки и мухоморы. Но их все равно никто не собирает, а то и по поганкам Венька мог бы сказать, в каком лесу побывали односельчане...

Ветер продолжал мощно давить на все в этом мире. Провода гудели под его напором, и дым Венькиной папиросы тут же улетал и растворялся в воздухе. Но Веньке было тепло в фуфайке и старой меховой шапке. Он окидывал взглядом сжатое голое поле, посреди которого сидел под опорой, и продолжал думать.

“Каждый гриб, скажи, имеет свою особенность. Белый хорош в жаренине и в сушке. Подосиновик то же самое. Из лисичек получается потрясающий суп. Нет лучшего гриба для маринования, чем масленок. Грузди, рыжики, солодаги, волнухи и гладыши — это губина. Их очень хорошо засаливать на зиму. И лучше, конечно, каждый сорт по отдельности. Но быва-

ют года, когда грибов мало, и тогда приходится все валить в общую кучу. Засаливать грибы лучше всего с листом княжицы и хрена — тогда они остаются твердыми и хрустящими, особенно молоденькие рыжики. Губина хороша и с картошкой и в пирогах, которые так ловко печет жена Наталья...”

Вспомнив по ходу своих рассуждений о Наталье, Венька улыбнулся. Хорошая, хорошая все же у него жена! На других мужиков посмотришь — дак ведь постоянно с женами собачатся. А он на Наталью не то что руки не поднял, а и голоса ни разу за тридцать лет совместной жизни не повысил. И поэтому все у них в семье ровно и спокойно. Детей хороших вырастили, они уж отдельными семьями живут. Что Мишка, что Нинка — оба в колхозе остались. Не притянул их к себе город. По нынешним временам — это большая редкость.

Тут ветер выиграл этаким чертом, выкинул какое-то немислимое колечко и сумел-таки забраться за воротник Венькиной фуфайки. Венька поежился и прижался поплотней к широкой опоре. Взгляд его снова соскользнул на кубари, доверху наполненные корзину.

“Возьмем, к примеру, кубарь... — привычно и плавно полилась мысль. — Сказать, что это мой любимый гриб — значит, не сказать ничего. Кубарь нужно почувствовать. И, конечно же, правильно приготовить. Кубарь, скажи, дает свой вкус только по отдельности от других грибов и обязательно чтоб отварен был в трех водах. Вот тогда это — кубарь. От одного запаха голова закружиться может. А уж на вкус — так вообще не имеет себе равных. Разве только опенок и может с ним поспорить...”

Тут Венька вспомнил сначала вкус кубаря, потом вкус опенка. Посмаковал воспоминания и вынужден был признать, что и опенок отварной тоже не хуже. У него более нежный вкус и совсем другой запах.

“Значит, и опенок — тоже любимый гриб? — спросил сам у себя Венька. — Получается, что — тоже. И что все-таки вкуснее? Опенок — гриб чистенький. Собирать его приятно. Растет на пеньках. Подойдешь, бывает, к пню или какой валежине — тут он, шельма, и сидит. Веселый такой, как веснушки на детской рожице. Облепит весь пенек сверху донизу — только собирать успевай. Отваришь его дома и сразу есть можешь. А с кубарем еще помучиться надо. Шляпка сопливенькая, с кожурой его не съешь, приходится чистить. Руки склизкие, нож постоянно выскальзывает, и пока еще всю корзину перечистишь... Но трудов таких стоит. Тем вкусней получается, когда намучаешься с ним. Значит, кубарь лучше. Так и запишем”.

В это время Венька уловил краем глаза спешащую через поле одинокую фигурку с большой корзиной на согнутой руке. Фигурка целеустремленно, чуть пригибаясь навстречу ветру, направлялась к лесу, откуда недавно выбрался он сам. Что-то показалось в фигурке знакомое. Перестав думать о грибах, Венька пытался издали узнать односельчанина. Но пока это плохо получалось. Только когда человек приблизился на достаточно близкое расстояние, Венька признал в нем сына Мишку. Увидев сидящего у опоры отца, Мишка нисколько не удивился: знал, что он встает раньше всех в деревне.

— В Угорный ходил? — издали еще прокричал он. — Как кубари?

— Все кубари уже со мной! — довольно ответил Венька. — А ты, Михаил Вениаминович, спишь долго. Али в армии не научили рано вставать?

— Дак уж сколько с той армии годов-то прошло... Набрал-то много?

Венька не без удовольствия кивнул на стоящую чуть в стороне корзину, доверху наполненную кубарями.

— Молодец! — не удержался и похвалил отца Мишка. И тут же взгляд его стал чуть растерянным. — Где выбрал такую прорву?

— Я по двум осинникам прошелся.

Сын облегченно перевел дух.

— Дак на Угоры и в березник не захаживал?

Венька отрицательно покачал головой.

— Вот и ладно! — обрадовался Мишка. — Значит, тамotka наберу. Людей-то много в лесу?

— Нет ишшо никого. А ты беги, беги — а то червяки, оне до грибов охочие, раньше тебя доберутся!

— И впрямь! — улыбнулся Мишка и заспешил по полю, но его догнал окрик отца:

— Мишка! А тебе чего больше по вкусу: кубари или опята?

Не оборачиваясь, Мишка прокричал в ответ:

— Я, батя, больше белые люблю! Дак уж отросли они!

Мишка давно скрылся в лесу, а Венька все сидел на пригретом месте.

“Ишь ты, хлюст! — не без удовольствия вспоминал он последние Мишкины слова. — Белые он больше любит... Я, наверное, белые тоже больше люблю. Когда одни белые-то нажаришь с лучком, да на молочке с коровьим маслом — за уши ведь не оттянешь от такой жарехи!”

Венька так явственно представил скворчащую сковородку с белыми грибами, что невольно зажмурился. Тут же вспомнился нежный вкус жареных. Он торопливо закурил, сглотнул голодную слюну и, подхватив корзину, заспешил к деревне.

“Белый гриб — хорош! — думал он на ходу. — Он, скажи, так уж хорош, что, пожалуй, я его всех больше люблю...”

НЕТ ТАКОГО ИМЕНИ

— Валька, с дочкой тебя! Вишь ты как, дочку вить Марья-то родила! Вся, говорят, в тебя: большая и будет...

Иванов шархнулся от принесшей такую радостную весть соседки Антонины, как черт от ладана. Даже руками замахал в испуге. А та, приписав необычное поведение соседа радости за жену, продолжала неотступно зудеть тонким комариным голосом:

— Третью вить дочку-то родила! Как назовешь-то?

— А... как хотите! — в сердцах бросил Валентин и, обогнув веселую соседку, выскочил в сени.

Там соряча схватил ковшик, зачерпнул из ведра, стоящего на лавке, воды и жадно припал сухими горячечными губами к краю ковша. Потом кинул ковш и вылез в заук. Похлопал по карманам брюк, залез в один карман, затем в другой. Потом так же проверил карманы пиджака. Шмякнул себя в сердцах по лбу и подошел к раскрытому окну кухни. Схватил с подоконника небрежно надорванную пачку папирос и коробок спичек. Прикурил, ломая спички, и без сил сел на лавочку возле палисадника.

Такому нервному состоянию Валентина Иванова имелась только одна причина: они с Марией ждали сына. И по всем приметам выходило, что будет сын. Уж и к бабкам хаживали, и врачиха в амбулатории то же самое сказала, а вот поди ж ты... Третья дочка.

“Солить мне их, что ли? — с тоской думал Валентин, затыгиваясь так сильно, что с папиросы даже сыпались искры. — Что с таким выводком и делать-то? Ровно грибы после дождя лезут. И все, скажи, девки. Штампует она их буде?”

Из избы степенно вышла Антонина.

— Нет такого имени!

— Какого — такого? — не понял Валентин, с трудом выныривая из плена своих невеселых думок.

— Ну, ты сам сказал — “Как хотите”. А такого имени нет. Есть, к примеру, Маша, Даша, Глаша, Наташа...

— Да подите вы все! — в сердцах сплюнул Валентин. — Кругом одни бабы. Видно, у бога шибко худое настроение было, когда вас придумал. Уйди по-хорошему!

Антонина пожала губы и снова ушла в избу. Вскоре там раздалась веселая беготня: соседка разбудила Вальку и Нинку — старших дочерей Валентина. Пока Мария находилась в роддоме, Антонина взяла на себя труд помогать по хозяйству соседу. Быстро обрядившись, накормив и выгнав гулять девчонок, она легкой ногой убежала к себе домой. Иванов все так же безучастно смотрел в землю. Как уж они с Машей пятнадцать лет назад ждали

сына! И даже имя ему заранее заготовили — Валентин. Как и у него, значит. А родилась девчонка. С горя даже имя менять не стали. Дочка и дочка, тоже неплохо.

Восемь лет назад с именем уже не спешили, боясь испугать судьбу. А родилась Нинка. Другой бы на месте Валентина смирился, но он решил вновь попытать счастья. И вот оно привалило полной меркой — третья дочка! Валька-то большая уже совсем — восьмой заканчивает. И ведь что удумала? На токаря пойти выучиться. Откуда у нее такое желание возникло? Наверняка в школе настропалили. Отродясь у них в роду никаких токарей не было. И слыхом про токарей не слыхивали. Все возле земли терлись. Испокон веку в Бессолове жили. Деревня небольшая и на отшибе. Какие уж тут токари? Разве что кузница была на подороге между Бессоловым и Герасимовым. А кузнецы всё сплошь здоровенные мужики. Валька же все талдычит про НТР какую-то. Вроде как революция научно-техническая. Нет бы, медицинскую революцию устроили. Захотел сына — пожалуйста, нате вам сына. И еще приходите, завсегда рады!.. Нет бы, на швею выучилась или на ферму шла работать. А то — на токаря!

Валентин даже сплюнул с досады. Снова полез в карман за папиросами. И опять вспомнил, что папиросы — вот они, на лавочке и лежат. Тяжело вздохнул и прикурил. На этот раз получилось куда спокойнее — с первой спички. А на улице вовсю разошлось солнышко. Начало мая. Все деревья возле дома укутала нежная паутина зелени. Вон тянутся ввысь две березки: одну посадили после рождения Валентины, а вторую — уж когда Нинушка родилась. Теперь придется сажать и третью. Для Иринки. Валентин даже закашлялся от неожиданности. Откуда-то пришло к нему это имя — Иринка, да и все тут. Ну, и пусть будет Иринка. Ирина Валентиновна. Хорошее имя. Пусть будет...

В это время за соседским палисадником раздался звонкий голос Антонины:

— Куды лыжи наострил, постреленок? Да и почто дедов пинжак-то напялил?

После непродолжительного молчания раздался уверенный басовитый голосок:

— Я к Валентину гулять пошел! А пинжак для красоты.

Валентин против воли улыбнулся: на этот раз к нему в гости собирался придти Антонин Вовка — пятилетний, вечно сопливый карапуз. Пусть приходит. Сколько их, таких вот пятилетних или семилетних, а порой даже и трехлетних, перебывало у него в гостях. И все почему-то объясняли своим мамкам и папкам, что идут “гулять к Валентину”. Очень уж, видно, малышей притягивало это веселое и праздничное имя. Ну и, конечно, сам Иванов. Он никого не отпускал без какого-нибудь подарка: тому смастерит машинку, этому — трактор, а третьему — пистолет. Да, не хватало ему своего сына, страсть как не хватало...

Немного погода распахнулась калитка, и в заук уверенно прошагал Вовка. Уже босой, несмотря на начало мая, в вельветовой кепке и старом дедовом пиджаке, полы которого болтались у него гораздо ниже колен. Тем не менее, все пуговицы были застегнуты. Ну и, естественно, рук тоже не было видно, потому что рукава были явно длинноваты. Но Вовку это нисколько не смущало. Сохраняя полную серьезность на своей веснушчатой физиономии, он подошел к Валентину, с трудом выпростал ладошку из-под рукава и подал ее соседу.

— Здравствуй!

— Здравствуй и ты! — благодушно улыбнулся Иванов и осторожно пожимал пухлую Вовкину ладошку.

— Ты мне, Валентин, такую же лошадку сделай, как даве Витьке Корзункову смастерил. Он мне хвалился уже. Вот.

— Смастерю, — согласился Иванов, — только ты уж мне помочь должен. Договорились?

— А Витька тебе помогал? — осторожно поинтересовался Вовка.

— Помогал, а как же!

— Ну, тогда и я помогу. Чего делать надо?

Валентин оглянулся.

— Вон, видишь, голик стоит возле крыльца? Ну так и волок его сюда.

Вовка, гордый возложенной на него задачей, пулей метнулся к крыльцу. Но сразу и запутался в полах пиджака. И, конечно, упал. Кое-как поднялся и уже более степенно поковылял к крыльцу. Взял голик и отнес его Валентину, который уже нарвал длинной травы из-под скамейки и успел скрутить ее в тугую колбаску.

— Вот и славно! — похвалил он Вовку и, взяв у него голик, выдернул из него одну вицу.

Затем вставил вицу в колбаску из травы. Достал из кармана бечевку.

— Подержи-ка! — попросил он мальчугана и подал ему траву и вицу.

Быстро перевязал бечевкой самый кончик колбаски. Вышло: морда. Отступил несколько сантиметров и снова сделал узел. Получилась шея. Обломил вицу, оставив небольшой кончик. Отложил в сторону. Снова нарвал травы, на этот раз уже побольше. Теперь скрутил ее в тугое яйцо, оставив несколько метелочек на заостренном его конце. Перевязал и эти метелочки, которые должны были служить хвостом лошади. Затем взял колбаску и обломил вицу, всунутую в траву. Но не до конца. Голова лошади встала под нужным углом. Воткнул колбаску в яйцо. Наломал из остатков вицы четыре короткие палочки и ловко всадил их в тело лошади. Поставил готовую игрушку на ноги.

— Пользуйся, Владимир!

Вовка в немом восхищении смотрел на лошадку. Буквально две минуты назад на скамейке ничего не было. А теперь стоит лошадь. Да и какая! Лучше даже, чем у Витьки Корзункова. Утерев сопли рукавом пиджака, он опять с трудом вытащил ладошку и, схватив лошадку, бегом помчался из заука. Видимо, чтобы побыстрее похвастаться перед Витькой.

— Эй, гвардия! — окликнул его Валентин. — А где спасибо?

— Спасибо! — прокричал Вовка и выскочил за калитку — только его и видели.

— На здоровье... — улыбнулся Иванов.

Потом неожиданно схватился за голову.

— Что же это я? У меня Марья вон Иринку родила, а я тут прохлаждаюсь... Непорядок!

Забежав в дом, он быстро покидал в сумку несколько вареных картофелин и яиц, сунул туда же краюху хлеба и выскочил на улицу.

— Я в больницу — Марью забирать! — крикнул он на ходу копавшейся в огороде Антонине.

Та, приложив козырьком ладонь к глазам, с улыбкой посмотрела вслед убегающему Валентину. А тот, выбежав за околицу, приостановил свою прыть и пошел быстрым шагом спешащего по очень важному делу человека.

— До Герасимова два километра, — на ходу бормотал он, — да до Покровского столько же, а там уже и Великий Двор видать будет. Ничего-о, доберемся как-нибудь. Заберем Марью-то с Иринкой. За-бере-ом... Да где-нибудь еще по дороге одуванчиков нарвать надо. Славные об эту пору одуванчики-то. Большие... А девчонка будет Иринкой. А то, ишь ты, Антонина чего удумала: “Как хотите!” Нет такого имени!

ГРОЗА

Деревня издали и так-то казалась низкой и пришибленной, а сейчас она и вовсе прижалась к земле, словно прося у нее защиты. Над домами нависла густая вязкая тишина. Негромко скрипнув калиткой, я не спеша вышел в заук. Там, на столе, когда-то сработанном старшим братом, сидел племянник Андрюшка и задумчиво смотрел в небо. Ветер трепал его светлые, выгоревшие за каникулы волосы.

— Скамейки мало? — поинтересовался я и, подпрыгнув, сел рядом с ним.

— На столе интереснее, — отозвался племянник, не отрывая взгляд от неба.

Я не торопясь достал сигарету, размял ее и, закрывшись от ветра, прикурил.

— Ворон считаешь?

— Ну... — отозвался Андрюшка.

Меня начало разбирать любопытство. Обычно словоохотливый племянник на этот раз “молчал как рыба об лед” — по его же собственному определению. Я повнимательней взглянул на запад, куда, вот уже в течение нескольких минут, усердно паялился Андрюшка. А посмотреть там, действительно, было на что. Почти осязаемые серые ветры, словно змеи, свивались в гигантские клубки и шевелились волосами мифической Горгоны. Тучи маршировали по небу, как на параде, подходя все ближе и ближе. А на самом краю горизонта клубилась какая-то черная взвесь, вселяя в душу неопределенную тревогу. Время от времени ветер огромной лапой отрывал от нее солидные куски и яростно швырял их в клокочущий и бурлящий кисель туч. Тучи от этого прямо на глазах становились все чернее.

— Круто! — наконец нарушил молчание Андрюшка.

Я невольно поежился — то ли от сказанного племянником, то ли от порыва ветра, забравшегося мне под рубаху. Быстро темнело.

— Птицы перестали... — опять подал голос Андрюшка.

Я ничего не ответил и, затянувшись последний раз, сильно выщелкнул окурок далеко в огород. Рассыпая под ветром целые снопы искр, он по плавной дуге мягко приземлился где-то за теплицей.

— Хорошо, что не на пленку попало, — по достоинству оценив полет окурка, наконец-то разговорился племянник. — А то бы от бабушки влетело.

— Не влетело бы, — успокоил я его. — Через час тут такое будет творится... Вон ветрище какой — всю пленку с рам посрывает.

— А может, и не посрывает...

Странно было наблюдать такое философское спокойствие у тринадцатилетнего паренка. И вообще, Андрюшка меня сегодня положительно удивлял. Еще днем, когда мы с ним ходили купаться на речку, к его ноге присосалась жирная пиявка. Но, вместо того, чтобы бегать с криком по берегу, что, скорее всего, сделало бы большинство из его сверстников, он спокойно дождался, пока я не прижег пиявку зажигалкой, и она не отвалилась. На ноге осталась аккуратная ранка, на которую он тут же прилепил лист подорожника.

И сейчас он сохранял то же спокойствие перед лицом надвигающейся стихии. А ветер, меж тем, разыгрался не на шутку. С каким-то остервенением он оторвал изрядный кусок рубероида с крыши соседней нежилой избы и подкинул его высоко в небо, превратив в зловещую черную птицу, которая, тяжело кувыркаясь, полетела к лесу. За ручьем в огороде тягуче скрипели замшелые ольхи, словно жалуясь кому-то на свою затянувшуюся старость.

— Не выдержать им, — вслух подумал Андрюшка, — сломаются.

— Пожалуй, — согласился я. — А там, глядишь, и работенка на завтра будет — попилим и поколем...

Тут ветер дунул с такой силой, что с головы племянника сорвало джинсовую панаму и потащило ее по траве заука. Андрюшка, вскрикнув, соскочил со стола и, пригнувшись к земле, пустился в погоню. Мне же в спину ударили первые тяжелые капли дождя...

Через пять минут мы сидели за столом возле уютно пыхтящего самовара и пили чай с бутербродами. Электрический свет не зажигали, так как бабушка перед грозой выкрутила все пробки — чтобы не залетела молния. Поэтому сидели впотьмах, как при царе Горохе. За окном грохотало, ревело и чем-то шаркало по стеклам. Наконец блеснула молния, выхватив из потемок блестящий бок самовара и в нем вытянутое, с приоткрытым ртом, лицо Андрюшки.

— Ба, да никак ты боишься? — удивился я.

— Вовсе и не боюсь, — тихо постукивая зубами, отозвался Андрюшка. — Вон на той неделе мы с Димоном в такую грозу на реке попали... Мокрые все пришли.

Я с невольной улыбкой подумал о том, что в его возрасте небольшая речушка Комёла, конечно же, кажется рекой, а тот хиленький десятиминутный дождичек в их рассказах перерос в грозу.

— Ну, Андрей, держись, — рассмеялся я, — сегодня ночью будет либо шторм, либо конец света!

— Что и мелешь-то... — напустилась на меня мама. — Совсем парня запугал. Иди-ка, внучек, на печку. Да и укройся фуфайкой-то с головой. Глядишь — и уснешь.

Она слегка приобняла его и начала подталкивать к печи. Андрюшка безропотно залез на теплые кирпичи и дал бабушке набросить на себя фуфайку. Я же подсел к окну, закурил и стал наблюдать за тем, что творилось на улице. Тучи в небе сшибались с таким оглушительным грохотом, что просто закладывало уши. Молнии свергали одна за одной, высвечивая неистово переливающиеся ртутью толстые ноги дождя. При одном, особенно страшном, ударе грома Андрюшка, тихо взвизгнув, сполз с печки и, словно большая кошка, проворно метнулся под кровать.

— Что, там лучше? — поинтересовался я.

— По-про-хладней... — донесся из-под кровати приглушенный ответ.

— Ну ладно, коли так, — согласился я и снова начал смотреть в окно. Гроза бушевала еще минут сорок. Я сидел, как завороченный, никаких мыслей в голове не было: я весь отдался величию этой небывалой грозы. Мне казалось, что я растворился в ней, стал ее частью. Тело было легким и неподъемным одновременно. Как это здорово, когда в голове нет никаких мыслей! Осторожно, словно новорожденный, постигаешь мир ощущениями, и время от времени, откуда-то из района солнечного сплетения, подступает к горлу холодный комок восторга. Все расплывается перед глазами, и постепенно возникает одно большое чувство — радость, что ты просто есть. Радость, что ты малая доля этой жизни, этой необузданной первобытной стихии. Нет, тогда я не жил настоящим. Я был прошлым и будущим одновременно...

Но вдруг все резко кончилось. Я ощутил себя сидящим у раскрытого окна, а по моей занемевшей руке, протянутой ладонью вверх, лупили холодные струи уходящего дождя. Я встал, потянулся с хрустом в позвоночнике и, медленно приходя в себя, оглянулся. В избе чуть посветлело.

— Андрюшка, вылезай! Чайку поьем...

Никто не отозвался: мама, видимо, давно ушла спать в горницу, а Андрюшка...

— А где же Андрюшка? — громко спросил я, вкручивая пробки и включая свет.

Подожел к кровати, откинул полог и заглянул под нее. Предусмотрительный племянник, убегая с печки, не забыл прихватить с собой пару фуфаяк и теперь мирно спал на одной из них, другой укрывшись вместо одеяла.

— Ну и пусть спит, — решил я. — В избе тепло — не замерзнет.

Я пил поостывший уже чай и думал о том, как завтра все станут обсуждать эту небывалую грозу и дружно ругать ее за нанесенный ущерб. В том, что гроза уже накуролесила немало — я даже не сомневался. Но это будет завтра. А пока я сидел за остывшей чашкой чая и пытался вернуть себе то ощущение, которым я был охвачен всего полчаса назад.

Минут через пять с грустью понял, что вряд ли его верну. Встал, закурил и вышел во двор. Дождь уже кончился. Я стоял, прислонившись к промокшим доскам забора, и смотрел вслед уходящей грозе.